

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.039

УДК 32.327

**ХАЛИД ГАМДАН ХАММОД МОКБЕЛ**

ассистент кафедры международных отношений,  
мировой политики и дипломатии Института международных отношений,  
истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального  
университета, Россия,  
Республика Татарстан, г. Казань  
E-mail: Khalidgam@yandex.ru

## **ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ХУСИТОВ В ЙЕМЕНЕ**

В исследовании рассматриваются проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке в контексте йеменского конфликта и деятельности правительства хуситов. Йемен представлен как пример государства, в котором внутренние противоречия и внешнее вмешательство привели к длительной нестабильности и гуманитарному кризису. Цель работы заключается в определении того, каким образом политика и военные действия хуситов влияют на региональную безопасность и международные отношения. Основные задачи связаны с выявлением факторов, способствовавших укреплению их власти, анализом реакции внешних участников, включая Саудовскую Аравию, США и Иран и оценкой участия международных структур в процессе урегулирования. В качестве методологической основы использованы сравнительно-политический и системный подходы, позволившие проследить связь между внутренними процессами в Йемене и региональной обстановкой. Результаты показывают, что хуситы превратились в самостоятельного политического актора, чьи действия напрямую влияют на баланс сил на Ближнем Востоке. Установлено, что отсутствие действенных механизмов урегулирования и вмешательство внешних держав препятствуют стабилизации обстановки и сохраняют высокий уровень угроз для безопасности морских путей, энергетических коммуникаций и политической стабильности региона.

**Ключевые слова:** Йемен, хуситы, Ансар Алла, Ближний Восток, региональная безопасность, Саудовская Аравия, Иран, США, вооруженный конфликт, гуманитарный кризис, международные отношения, урегулирование, политический актор.

Формирование йеменского кризиса началось после объединения Йеменской Арабской Республики и Народной Демократической Республики Йемен в мае 1990 года. Процесс объединения двух государств с кардинально разными политическими системами прошел поспешно и без должной подготовки. Он совпал с глубокими переменами в мировой политике. В начале 90-х произошел распад

СССР, война в Персидском заливе и введением санкций против нового государства со стороны США и монархий Залива. Возврат почти миллиона трудовых мигрантов усилил экономические трудности, а рост влияния политического ислама осложнил внутреннюю консолидацию. Руководство рассчитывало, что объединение и экспорт нефти из районов Мариб и Шабва обеспечат модернизацию и помогут преодолеть социальные противоречия. Ожидания не оправдались. Демократические институты и всеобщие выборы, предусмотренные конституцией, не привели к реальной демократизации. Контроль остался у консервативных элит, связанных с прежним режимом Йеменской Арабской Республики. Доходов от нефти оказалось недостаточно, чтобы создать стабильную экономику [6].

После победы коалиции Всеобщего народного конгресса и партии «Ислах» над Йеменской социалистической партией в 1994 году союз между ними быстро превратился в соперничество. Исламистское направление «Ислаха», связанное с движением «Братьев мусульман» (1), получило влияние в образовании и законодательной сфере. Религиозная реформа, проводимая им, стала инструментом политической борьбы и подорвала стабильность режима Али Абдаллы Салеха. Распространение салафитской идеологии через сеть учебных заведений «маахид ыльмийя» усилило напряжение между севером и югом страны. Шафиитские и зейдитские общины воспринимали эти действия как государственную политику, разрушающую местные традиции. Недовольство постепенно переросло в конфликт идентичностей, не связанный с классическим противостоянием суннитов и шиитов. В общественном сознании он воспринимался как столкновение подлинного исламского наследия Йемена с радикальными течениями, разрушавшими прежнее единство общества.

Формирование «южной идентичности» стало прямым последствием конфликта в южных провинциях Йемена. На смену концепции общей йеменской принадлежности, культивировавшейся властями ЙАР и НДРЙ, пришло чувство региональной самобытности. Оно легло в основу «южного национализма», противопоставлявшего население Юга Северу. Южане обвиняли Северный Йемен в «отсталости», связанной с племенным устройством и религиозным консерватизмом. С 2009 года лидеры движения «Хирак» требовали вернуть независимость НДРЙ в границах 1990 года как средство урегулирования «южного вопроса» [1. С. 12].

В это же время в зейдитских районах Севера выросло противодействие религиозным реформаторам. Распространение салафизма в Сааде вызвало появление движения «Шабаб аль-мумин», возглавленного Хусейном аль-Хуси. Он разработал учение «хусизм», объединившее зейдитскую теологию и современные политические идеи. Центральным элементом стала концепция «коранического пути» под духовным руководством алам аль-худа, направленная на укрепление исламского единства. Аль-Хуси рассматривал кризис мусульманского мира как следствие внешнего давления и внутренних разногласий, а агрессию США и Израиля как форму подрыва исламских ценностей. После вторжения в Ирак он призвал к сплочению мусульман для защиты идентичности [5. С. 110].

Во внутренней политике хуситы выступали за мирные преобразования, предлагая ограничить влияние партии «Ислах» и пересмотреть отношения с США в сфере безопасности. Все это противоречило курсу президента Салеха, вступившего в союз с США после 2001 года. Партнерство усилило зависимость силовых структур от американской поддержки и вызвало рост недоверия в обществе. В 2004 году Салех приказал начать войну против хуситов из-за их лозунга «Смерть Америке, смерть Израилу, проклятие евреям, победа исламу». Саадские кампании 2004–2010 годов закончились провалом. Гибель Хусейна аль-Хуси привела к росту сопротивления и превращению движения в крупную оппозиционную силу. К 2010 году «хуситская проблема» стала одной из главных тем внутренней повестки страны.

В 1990–2000-е годы Йемен оставался нестабильным государством. В экспертной среде он рассматривался как «хрупкое государство». Данный термин появился обороте Мирового банка в начале девяностых. Со временем страна приобрела образ центра международного терроризма, что усилило вмешательство американских спецслужб. Концепция «хрупкости» стала основанием для внешнего контроля. Международная конференция в Лондоне в 2010 году обсуждала вопросы безопасности, а не реформ. Уже в 2011 году Йемен оказался среди стран, охваченных протестами «арабской весны». Военная зависимость и ослабление суверенитета привели к замене конституционных механизмов силовыми. Тем не менее, конфликты между обществом и властью выражали скорее способность системы к саморегуляции. США укрепляли позиции в структурах безопасности, а партия «Ислах» сохраняла поддержку союзных монархий [2. С. 75].

Февральские протесты 2011 года, начавшиеся как молодежное движение, вылились в политический кризис и запуск инициативы стран Залива, мирного плана транзита, утвержденного под эгидой ООН. Национальный диалог в Сане 2013–2014 года стал площадкой для подготовки новой конституции, показав жизненность гражданского общества вопреки имиджу «хрупкости». Главными темами диалога стали южный и хуситский вопросы. К внешним элементам процесса относилась идея децентрализации и федерализации. После передачи власти в 2012 году Салех сохранил руководство партией, а Хади стал президентом. Покушение на Салеха разрушило старые альянсы, сделав ВНК и «Ислах» противниками. В 2014 году партия «Ислах» утратила поддержку племен, а союз ВНК и «Ансар Алла» получил преимущество. Подписание «Договора о мире и национальном участии» 21 сентября 2014 года дало возможность Хади опереться на новый альянс и создать правительство Бахаха. В начале 2015 года Хади подал в отставку, что обозначило кризис переходного периода. Глава миссии ООН Джамаль Беномар продолжал добиваться мирного исхода, оставаясь в Сане даже после переезда Хади в Аден.

Мирный переход завершился срывом весной 2015 года. После вмешательства Арабской коалиции события стали трактовать как «хуситский переворот», и именно эта версия закрепились в документах Совета Безопасности ООН. В дальнейшем конфликт перестал рассматриваться как внутренний и стал частью противостояния Саудовской Аравии и Ирана. Опыт переходного периода оставил

противоречивые итоги. Национальный диалог доказал, что внутреннее согласование интересов возможно, но идея федерализации вызвала острые споры между участниками. Несогласие относительно числа регионов и их полномочий едва не сорвало переговоры. Сомнения в жизнеспособности модели усилились, когда стало ясно, что сильные региональные традиции могут не объединить страну, а окончательно разделить ее [3. С. 180].

К 2025 году кризис прошел четыре стадии. Первые две, пришедшиеся на время правления Салеха и реализацию Инициативы стран Залива, относились к внутренней фазе. После 2015 года конфликт перешел в геополитическую плоскость и стал ареной борьбы внешних сил. Семь лет военной кампании завершились только весной 2022 года, когда стороны достигли режима относительного затишья. Уже осенью 2023 года противостояние вновь обострилось, выйдя за пределы страны и связавшись с палестино-израильским кризисом. В войну оказались втянуты США, Великобритания и Израиль, создавшие морскую коалицию против хуситов. Предупреждение Пан Ги Муна о «тикающей бомбе» сбылось. К лету 2025 года йеменский конфликт стал фактором региональной нестабильности, впитав в себя противоречия разных уровней. Одни обвиняют хуситов в угрозах судоходству и Израилю, другие США и их союзников в разрушении правовых основ урегулирования. Главной причиной остается хроническое вмешательство извне, мешающее завершить внутренний диалог.

К середине 2010-х Йеменский конфликт вступил в новую геополитическую фазу, в которой вопросы легитимности и статуса участников приобрели двойственный характер. Администрация США периодически относил хуситов к международным террористам, что вызывало противоречия у региональных игроков. Сложившаяся ситуация осложнила определение положения партии ВНК, сохранившей политическое влияние после 2016 года и сформировавшей вместе с движением «Ансар Алла» правительство национального спасения в Санае. Режим контролировал около трети территории страны, где проживает большая часть населения. Формально ВНК, возглавляемая Салехом, входила в руководство, занимая важные посты в силовых структурах, что ставило под вопрос, каким образом США теперь трактуют связи с партией, с которой ранее поддерживали тесные отношения [7. С. 40].

Больше сложностей внесла резолюция СБ ООН 2216, требовавшая от хуситов вывода войск и передачи тяжелого вооружения. При смешанном составе правительства Саны оставалось неясным, распространяется ли это требование и на ВНК, долгое время контролировавшую армию. Возникал и другой вопрос, насколько реально было требовать сдачи оружия в пользу правительства Хади, находившегося в изгнании и зависимого от соседнего государства, отношения с которым исторически оставались напряженными [9].

К осени 2023 года конфликт перешел в новую фазу. Причинами стали устаревшие механизмы ООН, узкий взгляд на войну как на противостояние Саудовской Аравии и Ирана и рост числа иностранных сил, игнорировавших суверенитет Йемена. Перед началом «палестинского» этапа оформились два подхода к урегулированию. Первый, официальный, опирался на резолюцию 2216 и требовал

безусловной капитуляции хуситов. Второй, более реалистичный, исходил из оценки внутренней специфики страны и необходимости прекращения иностранного вмешательства. Его сторонники, среди которых был и постоянный представитель России при ООН Виталий Чуркин, предлагали начать переговоры под эгидой Организации Объединенных Наций.

Режим деэскалации и переговоры между Саудовской Аравией и хуситами, проходившие при посредничестве Омана, стали главным результатом многолетней войны и отражением нового внешнеполитического курса Саудовской Аравии. Мухаммад бин Салман, начавший путь в йеменском конфликте как командующий операцией «Буря решимости», к 2021-2022 годам сумел превратить королевство из воюющей стороны в инициатора мирного процесса, выстроенного по региональной модели.

Политический разворот в сторону переговоров стал возможен после целого ряда изменений. Либерализация общественной жизни внутри королевства, рост военных расходов и провал усилий в достижении целей программы «Видение 2030» вынудили пересмотреть подходы к безопасности и отношения с Ираном. Интеллектуальную основу для нового курса задала монография Центра им. короля Фейсала «Хуситское движение в Йемене: идеология, амбиции и безопасность», опубликованная в 2022 году [10. С. 180]. Ее авторы, в основном западные специалисты по региону, пришли к выводу, что теория о «прокси-войне» с участием хуситов искусственна. По их мнению, подобная интерпретация сама укрепляла связи Саны с Ираном и «Осью сопротивления». Исследователи рассматривали хусизм как явление, выросшее из йеменских реалий и кризиса ближневосточной политики после терактов 11 сентября, а не как инструмент внешнего влияния.

Полученные выводы не сделали отношения КСА и «Ансар Алла» союзническими, но сняли идеологический барьер для прямого диалога. Возвращение хуситского вопроса в политическую повестку дало шанс на урегулирование. Тем не менее, развитие режима деэскалации сопровождалось противодействием. Его поддерживала миссия ООН, но ряд политических центров внутри страны видел в переговорах угрозу своему положению. Руководящий президентский совет во главе с Рашадом аль-Алимом выражал недовольство снижением своей роли, а США опасались потери инициативы. Спецпредставитель президента Байдена Тим Линдеркинг неоднократно выделял важность участия США и критиковал миссию ООН за поддержку Турции. В декабре 2022 года он открыто обвинил хуситов в срыве перемирия, заявив, что их требования о перераспределении нефтяных доходов в пользу собственных бойцов противоречат условиям прекращения огня.

Весной и осенью 2023 года состоялись два визита делегаций хуситов и Саудовской Аравии, уже после восстановления отношений КСА и Ирана при посредничестве Китая. Первоначальный оптимизм сменился осторожностью, а переговоры проходили без прежнего доверия. К концу года Ханс Грундберг сообщил о готовности проекта «дорожной карты», но соглашение так и не было подписано вовремя.

Инициатива связать Йеменский конфликт с палестино-израильским противостоянием исходила от непризнанного режима, а не от международно признанных властей Йемена. Правительство придерживалось официальной позиции, выражая поддержку палестинцам в решениях Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества, но делало упор на сдерживание эскалации. Руководящий президентский совет осуждал действия хуситов, называя их террористами и обвиняя в подрыве национальных интересов. Утверждения в СМИ о «вступлении Йемена в войну с Израилем» отражали лишь непризнанного режима, действовавшего в координации с участниками «Оси сопротивления» [4. С. 120].

Новый этап конфликта начался после нападения Хамас на Израиль 7 октября 2023 года и военной операции Израиля в секторе Газа. Масштаб разрушений и гибель мирных жителей вывели палестинскую тему в центр идеологии движения «Ансар Алла». Руководство хуситов перестроило внутреннюю и внешнюю политику на основе собственного учения, сосредоточив ее вокруг идей джихада и солидарности с палестинцами.

Массовые шествия и публичные выступления лидеров движения превратились в форму демонстрации единства и решимости. В речах звучали призывы поддерживать палестинцев, угрозы их противникам и упреки в адрес арабских правительств и официального йеменского руководства. В конце 2023 года риторика сменилась военными действиями. Хуситы объявили о блокаде израильского судоходства через Баб-эль-Мандеб, начали пуски ракет в сторону израильских портов и заявили о подготовке добровольцев для участия в боевых действиях. Армейские структуры подтвердили подчинение Абдулмалику аль-Хуси, укрепив его личную власть. Глава Высшего политического совета Махди Машат объяснил, что принятые меры связаны исключительно с событиями в Газе и не направлены против международного судоходства. По оценкам, ограничения затронули около одного процента мирового грузопотока [10].

С конца 2023 по начало 2025 года противостояние переросло в военную фазу. США и Великобритания создали международную морскую коалицию и начали операцию «Страж процветания». В совместном заявлении от 3 января 2024 года они указали, что атаки с территории Йемена угрожают мировой торговле и безопасности. По их данным, через Красное море проходит около пятнадцати процентов мировых морских перевозок, и изменение маршрутов вызывает перебои в поставках продовольствия, нефти и гуманитарной помощи. В январе 2024 года коалиция нанесла удары по объектам в Йемене, заявив целью восстановление свободы судоходства. Несмотря на отсутствие прямых упоминаний Израиля, действия западных стран воспринимались в Йемене как поддержка его интересов, что усугубило внутренние противоречия и ослабило правительство.

Военная операция США и их союзников завершилась без ощутимых результатов в январе 2025 года, одновременно с уходом президента Байдена. Европейские и ближневосточные партнеры отказались участвовать под американским командованием, ограничившись миссией «Аспиды» по сопровождению торговых судов. Из стран Персидского залива в составе коалиции остался лишь

Бахрейн, предоставивший базы для штабов США, Великобритании и командования CENTCOM.

США ссылались на статью 51 главы VII Устава ООН, оправдывая удары по Йемену правом на самооборону. Россия в лице МИД и постоянного представителя в СБ ООН В. А. Небензи охарактеризовала действия США и Великобритании как нарушение международного права и угрозу миру. РФ, осуждая атаки хуситов на суда, предлагала рассматривать их как часть кризиса, связанного с войной в Газе, и призывала к поиску сбалансированных решений. Аналогичной позиции придерживались и региональные государства, считавшие, что сама военная кампания коалиции подрывает безопасность судоходства в Красном море [6].

По данным администрации Суэцкого канала, доходы Египта от транзита судов в 2024 году снизились почти на 60%, что привело к потерям около семи миллиардов долларов. Хуситы совершенствовали методы морской войны и представили новые виды вооружений, атакуя суда США и Великобритании, внесенные ими в список противников. Западные источники утверждали, что вооружение поступало при поддержке Ирана, несмотря на контроль региона силами западных флотов. В июле 2024 года к операциям коалиции присоединились ВВС Израиля после удара йеменского беспилотника по Тель-Авиву. Позднее Израиль повторял атаки, а хуситы отвечали ударами по израильским портам, аэропортам и кораблям США и Британии. За полтора года, по оценкам, было проведено более двухсот операций, а силы коалиции нанесли по Йемену свыше тысячи авиационных ударов [8. С. 20].

Конфликт стал примером асимметричной войны, в которой дешевые дроны противостояли дорогостоящим ракетным системам. После ухода Байдена атаки временно прекратились, но с приходом администрации Трампа возобновились под названием «Буйный всадник». Уже 22 января 2025 года хуситы вновь были признаны иностранной террористической организацией, несмотря на призывы главы миссии ООН Ханса Грундберга к прекращению боевых действий. В марте США возобновили массированные удары, совпавшие с обострением конфликта в Газе. Кампания продолжалась до начала мая и сопровождалась скандалом «Сигналгейт» из-за утечки данных о планах нападения. В операции участвовал авианосец USS Harry S. Truman, потерявший несколько самолетов и дронов Rearer; общая стоимость кампании составила около семи миллиардов долларов. В апреле вновь подключилась британская авиация, а в мае удары нанес Израиль. На форуме в Эр-Рияде Трамп заявил, что более тысячи вылетов вынудили хуситов прекратить атаки, назвав кампанию «решительной и успешной» [6].

В заключении хотелось бы отметить, что Йеменский конфликт стал одним из источников нестабильности на Ближнем Востоке, оказав серьезное влияние на региональную безопасность. Внутренние противоречия и внешние вмешательства превратили страну в центр политических, военных и гуманитарных кризисов. Правительство хуситов, закрепившееся на большей части территории, превратилось в фактор, определяющий расстановку сил в регионе и характер международных связей вокруг Йемена. Движение «Ансар Алла» из внутреннего актора превратилось в самостоятельную политическую силу с широкой

идеологической и военной базой. Его деятельность соединила местные интересы с риторикой сопротивления западным и израильским влияниям, что дало возможность хуситам выйти за пределы национальной политики. Йемен стал ареной соперничества США, Саудовской Аравии, Ирана и их союзников.

Участие хуситов в палестинском конфликте усилило связь йеменского конфликта с общими проблемами Ближнего Востока. Поддержка палестинцев и нападения на израильские цели укрепили идеологическую легитимность движения, но в то же время углубили изоляцию страны и ухудшили гуманитарное положение населения. Йемен оказался примером новой угрозы региональной безопасности, исходящей не от государства, а от политического движения, обладающего военной мощью и внешними связями. Отсутствие рабочих механизмов урегулирования и вовлеченность внешних игроков не дают возможности стабилизировать ситуацию. В результате конфликт продолжает распространяться на соседние страны и влияет на безопасность морских путей, энергетической инфраструктуры и международных отношений всего региона.

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Запрещенная на территории РФ организация.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Боков Т.А.** Йеменское хуситское движение причины возникновения, формирование и развития. Автореферат диссертации. СПб., 2023.
2. **Исаев Л.М., Коротаев А.В.** Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8.
3. **Пеньковцев Р.В., Халид Г.Х.М.** Влияние событий «Арабской весны» на политическую ситуацию в Республике Йемен // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6 (ч. 2).
4. **Родионов М., Серебров С.** Перспективы йеменского кризиса и его конфессиональные аспекты в Хадрамауте // Религия и общество на Востоке. 2021. № 5.
5. **Саватеев А.Д., Боков Т.А.** Восстание хуситов в Йемене: шиито-суннитское противостояние как фактор геополитических сдвигов на Ближнем Востоке // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1 (38).
6. **Серебров С.** Йеменский кризис: структурные особенности и современная динамика // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yemenskiy-krizis-strukturnye-osobennosti-i-sovremennaya-dinamika/>.
7. **Фролов А.В.** Йемен: маргинальная война? // Обзореватель-Observer. 2017. № 12.
8. **Яйлян В.Х.** Британская политика в отношении конфликта в Йемене // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 2.

9. Resolution 2216 (2015) // UN Security Council // <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/103/75/pdf/n1510375.pdf>.
10. The Huthi Movement in Yemen: Ideology, Ambition and Security in the Arab Gulf / ed. by A. Hamidaddin. London: I.B. Tauris, 2022.
11. التصعيد الحوثي في البحر الأحمر وسيناريوهات المواجهة مع الولايات المتحدة / معتز سلامة / Муатаз Салама. التصعيد الحوثي في البحر الأحمر وسيناريوهات المواجهة مع الولايات المتحدة (Эскалация хуситов в Красном море и сценарии противостояния с США) // 29.03.2024 // مركز الأهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21150.aspx>.

### GHAMDAN HAMMOD MOQBEL KHALID

Lecturer at the Department of International Relations,  
World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations,  
History and Oriental Studies, Kazan Federal University,  
Kazan, Russia

## REGIONAL SECURITY ISSUES IN THE MIDDLE EAST IN THE CONTEXT OF THE HOUTHI GOVERNMENT'S ACTIVITIES IN YEMEN

*The study examines the problems of regional security in the Middle East in the context of the Yemeni conflict and the activities of the Houthi government. Yemen is presented as an example of a State in which internal contradictions and external interference have led to prolonged instability and a humanitarian crisis. The purpose of the work is to determine how the Houthis' policies and military actions affect regional security and international relations. The main tasks are related to identifying the factors that contributed to the strengthening of their power, analyzing the reaction of external actors, including Saudi Arabia, the United States and Iran, and assessing the participation of international structures in the settlement process. Comparative political and systemic approaches were used as a methodological basis, which made it possible to trace the connection between the internal processes in Yemen and the regional situation. The results show that the Houthis have become an independent political actor whose actions directly affect the balance of power in the Middle East. It has been established that the lack of effective settlement mechanisms and the intervention of external Powers hinder the stabilization of the situation and maintain a high level of threats to the security of sea routes, energy communications and the political stability of the region.*

**Key words:** Yemen, Houthis, Ansar Allah, Middle East, regional security, Saudi Arabia, Iran, USA, armed conflict, humanitarian crisis, international relations, settlement, political actor.